

И. Эрдели

ВОСПОМИНАНИЯ О С. А. ПЛЕТНЁВОЙ

(с предисловием В. С. Флёрова)

Воспоминаниям восьмидесятичетырехлетнего венгерского археолога Иштвана Эрдели (Erdélyi István) (фото 1) предпoшлю небольшое предисловие.

И. Эрдели вместе со С. А. Плетнёвой был организатором, а затем и основным с венгерской стороны участником Советско-Венгерской (позднее расширенной до Советско-Болгаро-Венгерской) экспедиции на Маяцком археологическом комплексе. Но сначала несколько штрихов из его биографии.

И. Эрдели родился 28 августа 1931 г. в Румынии в городе Орадя Маре. В 1944 г. семья Эрдели вынужденно бежала из Румынии и поселилась в венгерском городе Сентэндре, где Иштван в 1950 г. окончил гимназию и тогда же поступил в Государственный университет им. Л. Этвеша в Будапеште. В 1955 г. он с отличием закончил обучение и получил специальность «археология–музееведение». Тема его дипломной работы – «Позднеаварский могильник в с. Яношхида. Раскопки Н. Феттиха».

Первым рабочим местом Иштвана стал Археологический отдел Венгерского национального музея в Будапеште. В том же году его приняли в аспирантуру в Ленинградском университете на кафедру археологии. Его научным руководителем был М. И. Артамонов. Аспирантура завершилась защитой в 1959 г. диссертации «Венгры в Лебедии». Вернувшись в Будапешт, молодой ученый стал научным сотрудником Научно-исследовательской группы археологии будущего Института археологии Венгерской Академии наук, в котором он работал вплоть до конца 1991 г. Преподавал в Будапештском университете. В 1976 г. защитил докторскую диссертацию «Авары и Восток в свете археологических источников»; она издана на венгерском языке в виде монографии.

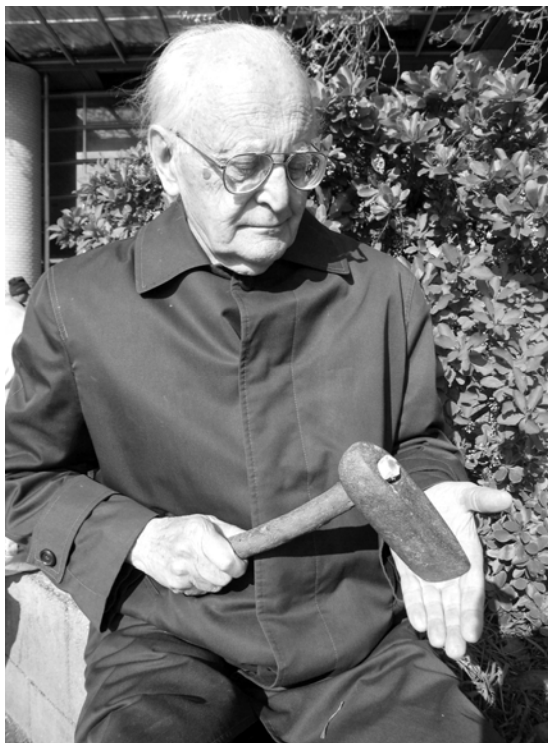

Фото 1.
Иштван Эрдели. 2014 г.

Началу работы Маяцкой экспедиции предшествовало советско-венгерское рабочее совещание в Москве в 1974 г., на котором одним из основных докладчиков был И. Эрдели.

Экспедиция началась в 1975 г. С первых же дней отношения с венгерскими участниками складывались непросто, в первую очередь – с И. Эрдели¹. Именно это и нашло отражение уже в первых строчках его воспоминаний. Действительно, венгерских коллег поставили скорее

¹ Непростыми и напряженными, они были и между советскими участниками экспедиции, что и привело к преждевременному свертыванию экспедиции в 1982 г. [Флёров, 2010, с. 33]. Решение приняла сама С. А. Плетнёва. Впоследствии она сказала мне, что в прежнем составе, особенно на городище, экспедиция продолжаться не может. Как ни парадоксально, но материалы раскопок самого Маяцкого городища, к которому Плетнёва проявляла особые интерес и внимание, так до сих пор и не удостоились полного монографического издания. Не осуществлено сравнение вещей и керамики всего Маяцкого комплекса в составе городища, селища, гончарных мастерских и могильника.

в положение официальных гостей, нежели равноправных участников раскопок. И. Эрдели только в одном полевом сезоне, 1975 г., добился согласия С. А. Плетнёвой самому принять участия в раскопках и заложил небольшой раскопчик в юго-западном углу городища для проверки версии обитания насельников крепости в юртообразных жилищах. Это отголосок мнения С. А. Плетнёвой о том, что в Хазарском каганате так называемая знать сохраняла кочевые традиции дольше, чем рядовое население. В работе на венгерском раскопе участвовал и археолог, историк архитектуры Балаж Эрдели (фото. 2).

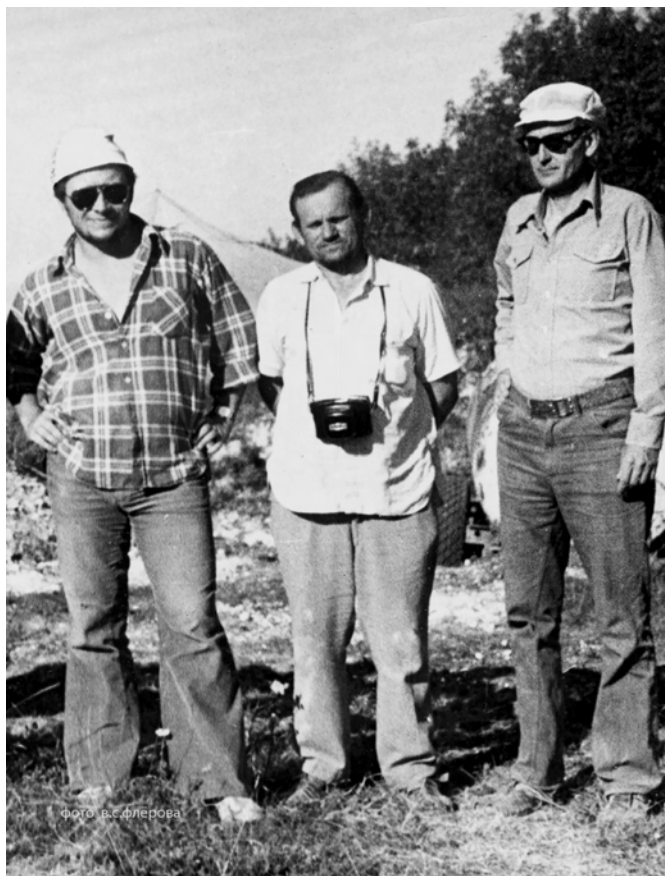

Фото 2.

В лагере экспедиции.
Слева направо: историк архитектуры Балаж Эрдели,
археолог Янош Сабо, Иштван Эрдели

Фото 3.

Иштван Эрдели выбрал высокую точку для фотографирования панорамы Маяцкого поселения

Юртообразные жилища в Маяцкой крепости не были обнаружены. В ней были только полуземлянки. Не подтвердилось и неуверенное предположение С. А. Плетнёвой о «юрте» в цитадели Маяцкой крепости [Плетнёва, 1975, с. 80].

Не содействовало дружеским контактам с венгерскими археологами неизвестно как возникшее опасение, особенно касавшееся работ А. З. Винникова на поселении, что венгры опубликуют материалы раскопок без всяких согласований, причем раньше, чем советские археологи. Воспоминания И. Эрдели рисуют совершенно иную ситуацию (о публикации отчетов).

Может быть, это несуразное опасение возникло после фотографирования на поселении хода раскопок, которое однажды провел И. Эрдели (фото 3)?

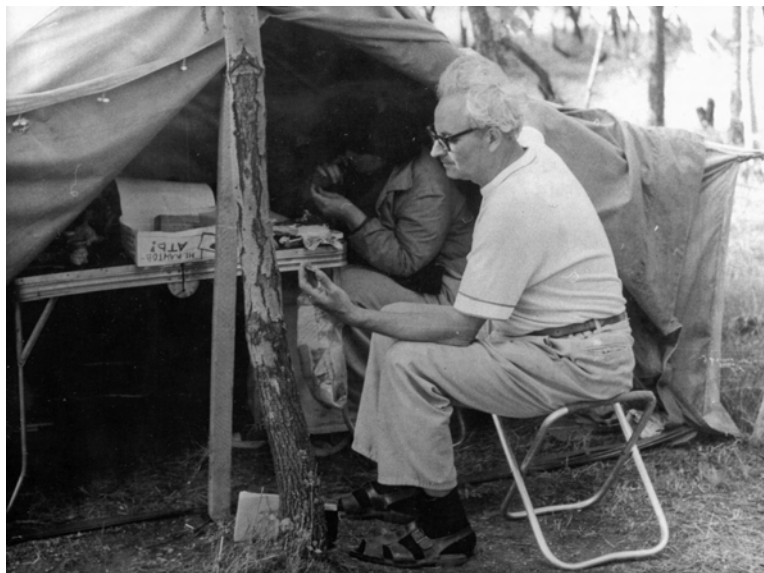

Фото 4.
Миклош Фреш. 1979 г.

На могильнике я разрешал венгерским археологам фотографировать все, включая находки. Естественно, никакая информация о могильнике «украдена» не была.

Двум венгерским ученым удалось действительно принять активное участие в работе экспедиции по простой причине – аналогичных советских специалистов в экспедиции не было. В 1979 г. палеозоолог Янош Матолчи провел определения остеологических материалов сезона и оперативно подготовил их публикацию [Матолчи, 1984]. Палеоботаник Миклош Фреш, очень приятный в общении человек (фото 4), в 1979 и 1982 гг. выявлял сельскохозяйственные растения по отпечаткам семян на керамике. К большому сожалению, он умер прежде, чем успел опубликовать результаты своей успешной работы.

Янош Сабо (1929–1986), венгерский археолог, специалист по аварам, побывал в экспедиции лишь единожды (фото 2). В 1980 г. венгерские коллеги вообще не приезжали на раскопки.

Что касается публикаций венгерских участников Маяцкой экспедиции, то в России, помимо упомянутой статьи Я. Матолчи, вышла небольшая заметка самого И. Эрдели [Эрдели, 1984], но вне связи с результатами раскопок. Немного, учитывая продолжительность экспедиции.

Фото 5.

Иштван Эрдели, болгарский историк архитектуры Дафина Василева, Светлана Плетнёва и антрополог Тамара Кондукторова в лагере экспедиции (фото из журнала «Огонёк», 1981 г., № 41)

К чести И. Эрдели скажу, что он пытался активизировать сотрудничество с коллегами из России (тогда СССР) следующим образом: как-то в межсезонье он предпринял обучение нескольких сотрудников Института археологии нелегкому венгерскому языку. Эти курсы посещал и я, но без особого успеха. Среди немногих слушателей этих краткосрочных уроков присутствовал также А. К. Амброз.

Была ли для советской стороны хоть какая-то польза от приглашения венгров и болгар? Пожалуй, только в том, что дала экспедиции некий престижный статус «международной», что даже привлекло внимание солидного, выходившего почти двухмиллионным тиражом официоза – еженедельного общественно-политического и литературно-художественного журнала «Огонёк» [Лабутин, Эттингер, 1981, с. 22–23] (фото 5).

Это сегодня совместная работа с иностранцами стала обыденным делом. Тогда же участие иностранца в экспедиции на территории СССР было редкостью. В политическом отношении оно вызывало подозрение советского режима. Неудивительно, что к экспедиции прикомандировали «стукача» под видом научного сотрудника, о чем мне поведала сама Светлана Александровна. Избавиться от него она не имела возможности по понятной причине.

Косвенным образом международный статус экспедиции все-таки имел одно, но чрезвычайно важное последствие для всего Маяцкого археологического комплекса. По невероятно удачному стечению обстоятельств в 1988 г. на его базе был создан филиал Воронежского областного музея, в 1991 г. преобразованный в самостоятельный Государственный природный и архитектурно-археологический музей-заповедник с площадью – вдуматься только – 1100 га! Время развала СССР. Прошел бы еще год, и ни о каком заповеднике и речи бы не могло возникнуть, а тем более в 2000-х гг., когда началось тотальное расхищение государственных земель.

Для Иштвана Эрдели более удачным, нежели работа в Маяцкой экспедиции, было другое венгеро-советской начинание – изданная в СССР «Археология Венгрии» (1986). В этой книге, которая остается востребованной и сегодня, он выступил и как автор, и как редактор-составитель².

Текст публикуемых многогранных по тематике, но, к великому сожалению, очень коротких воспоминаний, оставлен без редакционного вмешательства за исключением некоторых грамматических корректировок.

Фотографии 2–4, 6 и 7 – из моего фотоархива; фото 1 предоставил сам И. Эрдели.

В.С. Флёров

* * *

И. Эрдели

СО СВЕТЛАНОЙ АЛЕКСАНДРОВНОЙ

Светлана Александровна (фото 6) была старше меня только на три года. Несмотря на почти равный возраст, по настоящему дружеских коллегиальных отношений, к сожалению, между нами не возникло. Она родилась на Вятчине³, и, возможно, этот исторически загадочный край способствовал тому, что потом она стала заниматься археологией? Она окончила МГУ в 1949 г., а я на год позже – в Будапеште (дело в том, что я «опоздал» на один год из-за того обстоятельства, что на год позже начал учиться в школе на моей родине, в Румынии).

² Напомню еще о двух работах И. Эрдели. Одна – автореферат кандидатской диссертации [Эрдели, 1959]. Вторая продавалась в сети магазинов «Книги стран народной демократии» [Erdőli, 1966].

³ С. А. Плетнёва родилась в г. Вятка (ныне г. Киров в Европейской части России) в 1926 г. (Примеч. ред.).

Фото 6.

Иштван Эрдели и Светлана Александровна Плетнёва
на Маяцком могильнике. 1981 г.

Со Светланой Александровной Плетнёвой я познакомился зимой 1955 г. в Ленинграде (Санкт-Петербург), в Государственном Эрмитаже, у моего научного руководителя по аспирантуре Михаила Илларионовича Артамонова, генерального директора музея. Когда я в подробностях узнал о том, какая у нее специализация в археологии, то обрадовался, потому что печенеги и куны (команы) играли важную роль и в нашей венгерской истории в раннем средневековье. На меня из ее монографических научных трудов, пожалуй, самое большое впечатление произвела в указанные годы и имеет до сих пор работа «Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях» [Плетнёва, 1958, с. 151–226]. И в связи с историей наших предков, и тем более – потому что наш историк-медиевист, будущий академик Дьёрдь Дьёрффи опубликовал свою монографию «Печенеги и древние венгры» в 1939 г., но только на венгерском языке в Будапеште [Györffy, 1939, p. 397–500]. Она, конечно, была Плетнёвой недоступна, и я потом постарался изложить ей суть этой книги порусски.

Фото 7.

Иштван Эрдели на своем раскопе на Маяцком городище. 1975 г.

Более тесный научный контакт образовался между нами тогда, когда после сложной научной и административной подготовки в 1975 г. начались наши совместные полевые работы на правом берегу Дона (фото 2–7). Они длились в течение шести сезонов с пропуском только в один год.

Все каменные крепости хазарского времени тогда предположительно считались линией укреплений хазар против древних венгров или печенегов. Если бы крепости построены были против наших предков, тогда трудно представить тот факт, что они мирно прибыли к хазарам на пару лет непосредственно перед обретением родины. Об этом мы со Светланой Александровной часто спорили. В то время на одной из крепостей, где мы в основном вместе копали, – на Маяцком городище – нами были выявлены и такие могилы с подбоем, которые больше напоминают древнеаланские⁴.

К сожалению, наши совместные работы после шести полевых сезонов (в рамках семи лет) уже не продолжились⁵. Вопрос о роли

⁴ И. Эрдели, возможно, имеет в виду два погребения с подбоем на Маяцком могильнике – № 132 и 134? (см.: [Флёров, 1993. с. 127, рис. 50]).

⁵ О причинах свертывания Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции см.: [Флёров, 2010, с. 33].

этих крепостей все-таки, на мой взгляд, не решен. Древние венгры некоторыми письменными источниками названы жильцами Дентумогера (Детумодьера), т. е. донскими (или задонскими?) мадьярами, иными словами – несомненно, венграми. Общие результаты наших работ Светлана Александровна как редактор сборника подготовила для печати и издала в 1984 г. в Москве. Без моего участия издан в Москве в 1990 г. сборник материалов Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции [Маяцкий археологический комплекс..., 1990. – 242 с.]. Весьма хорошо то, что супруги Флёровы в 1991 г. продолжали исследования на другом укреплении хазарского времени в Верхнем Ольшане на р. Тихая Сосна, начатые еще С. Н. Замятниным почти сто лет тому назад. Из белых известняковых блоков (как на Маяцком городище) там была построена квадратная крепость размером 100×100 м на левом берегу Тихой Сосны. Во всем она весьма похожа на Маяцкое городище [Флёров, Флёрова, 2012, с. 90–95 + илл. на с. 142–147].

Мы со Светланой Александровной работали дружно, но она все-таки всегда держала со мной определенную дистанцию. Ласло Ковач⁶, также археолог из Института археологии Венгерской Академии наук, заочный аспирант Светланы Александровны, был в течение одного (или двух?) сезонов на Дону. Их отношения также не стали дружелюбными, а были просто прохладными, официальными. Правда, после успешной защиты его кандидатской диссертации на банкете Светлана Александровна подарила Л. Ковачу декоративный кинжал на память.

Одним из главных полевых помощников Светланы Александровны в экспедиции был археолог Анатолий Винников, который, конечно, по указаниям Светланы Александровны, распоряжался студентами и своими младшими сотрудниками⁷.

⁶ Ласло Ковач в сезон 1975 г. работал на Маяцком могильнике. Принял участие в корректировке плана могильника, неудачно составленного В. К. Михеевым, и раскопках одной катакомбы. Прямой заинтересованности в раскопках Маяцкого археологического комплекса у Л. Ковача не было, так как в то время он занимался наконечниками копий и другим оружием из венгерских памятников, чему и была посвящена его упоминаемая И. Эрдели диссертация (*примеч. В. С. Флёрова*).

⁷ О А.З. Винникове, тогда доценте Воронежского университета, И. Эрдели вспомнил не случайно. Несколько студентов из группы Винникова были отряжены в его распоряжение для работы на городище. Участвовать непосредственно в раскопках Маяцкого поселения И. Эрдели и его венгерские коллеги не приглашались (*примеч. В. С. Флёрова*).

Отмечу, что скоро выйдет на венгерском языке книга трех авторов (П. Сабо, П. Гроф, И. Эрдели) о боях и гибели 2-й Венгерской Армии на правом берегу Дона, созданная на базе многих фотографий и фронтового дневника старшины Яноша Грофа – отца археолога Петера Грофа⁸. В конце книги мною публикуется краткая оценка наших совместных археологических полевых работ. Ожидается появление в Болгарии сборника ряда моих статей в переводе с венгерского на болгарский. Это интересно в том плане, что в Маяцкой экспедиции принимали участие и болгарские археологи⁹.

Светлана Александровна никогда не дарила мне оттиски или экзemplяры своих печатных трудов. У нас же каждый год выходили мои предварительные отчеты, и не только на венгерском языке. Я ее неоднократно просил сделать специальную сводную статью – отчет, но она отвергла мою просьбу с тем, что пускай мы переведем ее отчеты, вышедшие на русском, на венгерский язык. Я сам написал восемь предварительных отчетов [Эрдели, 1978; Эрдели, 1984, с. 20–25; Erdélyi, 1976(1); Erdélyi, 1976(2), p. 271–274; Erdélyi, 1976(3), p. 479–780; Erdélyi, 1976(4), p. 119–121; Erdélyi, 1977, p. 75–83; Erdélyi, 1983, p. 29–33] и еще книжку-брошюру, написанную нами совместно с археологом Андрашом Ужоки (Uzsoki András) [Erdélyi, Uzsoki, 2007].

На Дону по вечерам я коротко рассказывал Светлане Александровне о том, что у нас мало специалистов, которые занимаются «нашими» печенегами и кунями. Один из них – этнограф А. Шелмеци Ковач и один археолог, его ровесник (оба – 1942 г. р.), А. Палоци Хорват. Последний позже в течение более чем двенадцати лет, как и я, преподавал в Будапеште в Кальвинистском университете. Наконец он в этом (2015–? – В. Ф.) году выпустил моногра-

⁸ Упоминание об этой книге и размещение в ней статьи Иштвана Эрдели имеют объяснение. Дело в том, что Маяцкое городище находилось в зоне боев 2-й Венгерской Армии, а непосредственно в х. Дивногорье размещалась одна из венгерских частей. Некоторые жители хутора в 70-х гг. прошлого века еще помнили об этом, но к венгерским археологам отнеслись вполне корректно (примеч. В. С. Флёрова).

⁹ Кратковременным почетным гостем экспедиции был Станчо Ваклинов (Станчев). Чуть более продолжительное время находились с нами Рашо Рашев и Дафина Василева. Буквально на несколько часов заглянул Стефан Бояджиев, здравствующий и поныне. Д. Василева первой предложила реконструкцию стен Маяцкой крепости [Василева, 1990; Василева, 1992]. С. Бояджиев реконструировал зубцы ее стен (примеч. В. С. Флёрова).

фию об истории под таким весьма странным названием, которое вдобавок не соответствует исторической оценке роли народов у нас – от печенегов до кунов. Они не «народы-гости» (Vendégnérek), как он их именует. Кроме них, к нашим предкам раньше присоединились небольшие группы из хазар, кабары. Их имена сохранились в топонимике Венгрии: козар, ковар и пр. Беда и в том, что оба специалиста мало владеют русским языком и все свои работы опубликовали пока только на венгерском языке.

«Народами-гостями» можно назвать у нас османо-турков, которые владели территорией современной Венгрии и Сербии свыше двухсот лет, а потом, наконец, ушли, оставив после себя разрушенные (кроме двух) крепости, дворцы и римско-католические церкви.

Во время экспедиции Светлана Александровна руководила работой всех участников, как специалистов, так и студентов, в мягкой форме, но всегда требовательно. Научные участники были разные: кроме нас – двух археологов – работали с нами научные сотрудники Венгерского музея природы: археозоолог Янош Матолчи [*Матолчи, 1984, с. 237–260*] и археоботаник Миклош Фреш, но он, к большому сожалению, своих отчетов в печати не оставил. По результатам раскопок издал статью наш архитектор Балаж Эрдели [*Erdélyi B, 2000*]. Рядом с нашими научными сотрудниками работал фотограф Л. Шугар, а в течение двух сезонов – мой сын Петер, тогда еще гимназист.

В виде своеобразного обмена, когда наши археологи работали на Дону, другие советские археологи, «не маяцкие», в течение четырех сезонов работали в Венгрии, главным образом, в г. Фенекпесте (в древнеримском Валкуме), на озере Балатон.

Маяцкий древний пещерный монастырь также имеет некоторые средневековые аналогии в Венгрии. Его остатки специально изучал на месте, во время наших совместных раскопок на городище, упомянутый выше архитектор Балаж Эрдели.

Я старался рассказывать Светлане Александровне о том, какие же выводы у нас есть относительно средневековых кочевников, связанных с нашими предками. Что касается печенегов (венг. *бешене*), то они в 934 г. вместе с венграми выступали у Константинополя против болгар. В 1051 г. печенеги воевали вместе с венграми против немцев. Они во время правления венгерского короля Иштвана II

были приняты в нашей стране и расселены почти по всей ее территории небольшими группами, главным образом там, где они могли служить как охранники наших границ. Их имена все-таки сохранились до сих пор во многих населенных пунктах Венгрии. Напротив, куны (половцы), пришедшие с монголо-татарами, не вернулись с ними на Восток, а заняли довольно компактную и немалую зону в Венгрии, так называемые Малую и Большую Куманию. В XIII в. из семидесяти областей нашей страны (в это число входила до 1260 г. включительно и вся Славония) они заселили шесть, в середине так называемой Большой Равнины.

Один из наших королей, Ласло IV, носил прозвище Кун (г. р. 1262), потому что он с ними часто встречался и весьма любил их. В 1279 г. кунов окрестили и даже римско-католическую молитву, «Отче наш», перевели на кунский язык. Сопrotивляющуюся часть кунов победили окончательно на берегу озера Ход в Средней Венгрии в 1280 г. Но Ласло IV, т. е. самого короля, убили все-таки его любимые куны в 1290 г. Детей у него не было. Очень интересно и то, что куны как будто хоронили своих знатных под курганами (кунхалом). Язык их исчез, они овенгерились полностью, просто до сих пор хорошо помнят свое происхождение. Память о печенегах, кунах и ясах до сих пор также сохраняет топонимика, но, к сожалению, археологически их ранние поселения почти не изучаются. Значительных городов они не основали. Могильники также редко копают, например, о могилах печенегов у нас почти ничего неизвестно (впрочем, пока).

Единственно, о чем мы со Светланой Александровной спорили, это был так называемый кочевой феодализм – теория С. П. Толстова самого начала 1950-х гг. Я относительно венгров его резко отрицал, но, конечно, в дружеском тоне.

Светлана Александровна с удивлением услышала о том, что, видимо, вместе с кунами пришли в Венгрию и осколки ясов, которые говорили на собственном языке ирано-аланского типа. От них и до сих пор сохранился краткий словник. Живя рядом с кунами, они также сохранили свое этническое самосознание, но язык поменяли на венгерский. Поселены они были рядом с кунами в особой, но меньшей по величине области.

Отношения мои со Светланой Александровной, можно сказать, окончательно разладились, когда я больше стал воспринимать

взгляды историка Л. Н. Гумилёва. Это случилось в 1970 г. В это время она и М. И. Артамонов написали о нашей работе довольно строгую критику на страницах журнала «Народы Азии и Африки» [Артамонов, Плетнёва, 1970, с. 89–92]. Наша статья со Львом Николаевичем вышла у нас в то же время на венгерском языке в журнале «Archaeologiai Éktesltő» [Gumilev, Erdülyi, 1969, p. 54–61]. М. И. Артамонов и С. А. Плетнёва не соглашались с мнением Льва Николаевича и моим и не поняли того, что уже стали проявляться новые времена в науке и в теории, а также возникли иные взгляды на исторические отношения между кочевыми и оседлыми народами.

Перу С. А. Плетнёвой принадлежит много научных трудов. С ее кончиной завершилась, можно сказать, своеобразная деятельность целого научного направления. После чтения и осознания ее научных трудов мы лучше смогли понимать общественный строй и тех раннесредневековых кочевников, или бывших кочевников, в смысле потомков авар, которые потом включились в наше венгерское общество, в наше королевство – государство в конце IX столетия и немножко позже. У авар уже существовал главный правитель – каган и его заместитель – тудун, представители особой кочевой верхушки. На закате Аварского каганата появились с юга болгары-эсегели, вероятно, еще не полностью славянизированные, и привезли с собой даже рунический шрифт.

В конце этих, весьма кратких, воспоминаний надо отметить и то, что за последние более чем 30 лет со стороны Института археологии Венгерской Академии наук не появилось желания продолжать совместные полевые археологические работы на территории России. Уже почти пять лет тому назад академический Институт археологии потерял свою самостоятельность, потому что его объединили с некоторыми другими институтами – с Институтом истории Академии наук, которую возглавляет специалист – академик, историк, занимавшийся изучением времени османо-турецкого ига в Венгрии. Почти в то же время Венгерская Академия наук создала так называемую Группу древней истории венгров, во главе с (теперь уже профессором на пенсии) историком-тюркологом, академиком Иштваном Вашари. Своего научного журнала эта Группа не имеет, но с этого года начала издавать серию небольших научных монографий, правда пока только на венгерском языке.

Мы надеемся, что в будущем появится желание возобновить наши совместные полевые исследования в России, начатые работами экспедиции под руководством Светланы Александровны Плетнёвой.

26 ноября 2015 г.

Литература

- Артамонов М. И., Плетнёва С. А.* Еще раз о степной культуре Евразии // Народы Азии и Африки. 1970. № 3.
- Археология Венгрии.* Конец II тысячелетия до н. э. – I тысячелетие н.э. М., 1986.
- Василева Д.* Конструкция и техника стройки стен Маяцкого городища // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., 1990.
- Василева Д.* Маяцкото градище – конструкция и техника на градеж // Приноси към българската археология. Т. I. София, 1992.
- Габор Д.* Протовенгры на Урале в первом тысячелетии нашей эры в российской и венгерской историографии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Специальность ВАК РФ 07.00.09. Екатеринбург, 2007.
- Лабутин Б., Эттингер Э.* Письмо из IX века // Огонёк. 1981. № 41.
- Матолчи Я.* Кости животных с городища, селища и могильника (1978–1979 гг.) // Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции / Ред. С. А. Плетнёва. М., 1984.
- Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., 1990.
- Плетнёва С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Тр. ВДАЭ / МИА. 1958. № 62.
- Плетнёва С. А.* Работы Советско-Венгерской экспедиции // АО 1975. М., 1976.
- Флёров В. С.* Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. Волгоград, 1993.
- Флёров В. С.* О Маяцкой экспедиции и А. З. Винникове // Верхнедонской археологический сборник. Сборник научных трудов. Вып. 5. Липецк, 2010*.
- Флёров В. С., Флёрова В. Е.* Верхне-Ольшанское городище: извлечение из Отчета о раскопках в 1991 году // Салтово-маяцка археологична кул-

* В этой публикации в подписи к фото 1, на котором изображен Янош Сабо, ошибочно указано: «Я. Матольчи, палеозоолог».

- тура: проблеми та дослідження: збірник наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції «XVI Слобожанські читання» / Упоряд. Г.Є. Свистун. Харків, 2012.
- Эрдели И.* Венгры в Лебедии. Материальная культура венгров IX–X вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1959.
- Эрдели И.* Сотрудничество археологов Венгрии и СССР // Венгерская неделя. Будапешт. 1978. 11 июля (на русск. яз.).
- Эрдели И.* Венгры на Дону // Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции / Ред. С. А. Плетнёва. М., 1984.
- Gumilev L., Erdélyi I.* A nomád világ egysége és sokrétűsége // Archaeologiai Éktesltő (Budapest). 1969. Vol. 96. № 1.
- Györffy Gy.* Besenyők és magyarok // Kőrösi Csoma Archivum. 1939. I.
- Erdélyi B.* A Majackojei (Oroszország) ásatások építészeti eredményei // Turan. 2000. 1.
- Erdélyi I.* Die Kunst der Awaren. Budapest: Corvina Verlag, 1966.
- Erdélyi I.* A honfoglaló magyarok ősei nyomában // Népszava. 1976(1). IV. 18.
- Erdélyi I.* A magyar-szovjet régészeti együttműködés magyar őstörténeti vonatkozásai // Nyelvtudományi Közlemények. 1976(2). LXXXII.
- Erdélyi I.* Az első magyar-szovjet közös régészeti kutatások // Magyar Tudomány. 1976(3). 7–8.
- Erdélyi I.* Die ersten sowjet-ungarischen Ausgrabungen im Jahre 1975 // Mitteilungen des Instituts der Archäologie der Ungarischen Akademie der Wissenschaften. 1976(4) (1977).
- Erdélyi I.* Die Höhlenkloster in Diwnogore // Mitteilungen der InstArch. Der UngAcad. der Wissenschaften. 1977.
- Erdélyi I.* A Don-vidék ásatásainak lehetséges magyar vonatkozásai // Forrás. XV. 7. Budapest, 1983.
- Erdélyi I., Uzsoki A.* Kard és kereszt. Budapest, 2007.

Сокращения

- АО – Археологические открытия. Москва
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва–Ленинград
- СА – Советская археология. Москва
- Тр. ВДАЭ – Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Москва–Ленинград

И. Эрдели

Со Светланой Александровной

(воспоминания о С. А. Плетнёвой с предисловием В. С. Флёрова)

Резюме

Известный венгерский археолог Иштван Эрдели вспоминает, как он и группа венгерских археологов участвовали в раскопках Маяцкого городища в 1975, 1977–1982 гг. В центре внимания автора – его сложные отношения с С. А. Плетнёвой. Автор также рассказывает о своих представлениях тех лет об истории авар, алан, болгар, венгров. В предисловии В.С. Флёров дополняет рассказ И. Эрдели собственными воспоминаниями.

Ключевые слова: С. А. Плетнёва, Маяцкое городище, салтово-маяцкая культура, Советско-Болгаро-Венгерская экспедиция, воспоминания.

I. Erdeli

Together with Svetlana Aleksandrovna –

Joint researches of the Soviet and Hungarian archeologists

(Memoirs on S. A. Pletnyova with V. S. Flyorov's foreword)

Summary

The well-known Hungarian archeologist Ishtvan Erdeli remembers as he in composition the group of the Hungarian scientists participated in excavations of the Mayatsky site in 1975, 1977–1982. In a spotlight are his difficult relations with a famous Russian archeologist S.A. Pletnyova. The author similarly tells about his ideas of those years about history of the Avars, Alans, Bulgarians and Hungarians. In his foreword V. S. Flyorov complements Ishtvan Erdeli's story with own remembrances.

Keywords: S. A. Pletnyova, Mayatskiy site, Saltovo-Mayakaya culture, Soviet-Bulgarian-Hungarian expedition, remembrances.